

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902 (470.61)

РАННИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЯМНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ МЕЖДУРЕЧЬЯ ДОНА, МАНЫЧА И ЕИ

© 2012 г. М.А. Белов¹, В.С. Яценко²

Статья посвящена ранним погребениям ямной культурно-исторической общности междуречья Дона, Маныча и Еи. Среди древнейших курганных погребений выделяются группа № 1 – погребения в скорченном положении на спине с восточной и северной ориентировкой и группа № 2 – погребения в скорченном положении на спине с западной и юго-западной ориентировкой. Первый этап развития ямной культурно-исторической общности в междуречье Дона, Маныча и Еи характеризуется малочисленностью погребений с восточной ориентировкой, преобладанием погребений западной ориентировки.

Ключевые слова: археология, Нижний Дон, ямная культурно-историческая общность, подкурганные погребения.

В южнорусских степях в период раннего бронзового века существовали племена, которые оставили многочисленные подкурганные захоронения. В археологии они получили название памятники ямной культурно-исторической общности. На страницах журнала “Вестник Южного научного центра” неоднократно рассматривались проблемы археологии донского левобережья относительно поздних периодов [1, 2], а к вопросам бронзового века Нижнего Дона не обращались.

Цель данного исследования – рассмотрение групп ранних погребений ямной культурно-исторической общности и определение особенностей первого этапа развития этих памятников на левобережье Дона западнее Маныча.

Среди древнейших подкурганных погребений междуречья Дона, Маныча и Еи выделяются ранние захоронения, которые относятся к ямной культурно-исторической общности.

Группа № 1 (рис. 1) – погребения в скорченном положении на спине с восточной и северной ориентировкой. Она включает в себя восемь погребений, которые характеризуются основными и впускными в центр кургана погребениями в овальных и подпрямоугольных ямах с сильно скругленными углами, костяки в скорченном положении на спине, головой ориентированные на восток и север.

Положение рук – вдоль туловища. Посыпка охрой в большинстве случаев по дну, реже – черепа и конечностей. Всего в одном случае встречена посыпка мелом. В двух случаях органические подстилки. Инвентарь разнообразен, представлен круглодонными и остроногими сосуда с орнаментом в верхней части сосуда, тесто керамики имеет примесь ракушки и известняка. В погребениях встречаются рогатые булавы, бронзовые цилиндрические пронизки, костяной цилиндрический бисер, комки охры, раковины *Unio*.

Группа № 2 (рис. 2) – погребения в скорченном положении на спине с западной и юго-западной ориентировкой. Они представлены тридцатью пятью погребениями, основными и впускными погребениями в центр кургана или юго-западную часть кургана в подпрямоугольных со скругленными углами и овальных ямах, костяки в скорченном положении на спине, головой ориентированные на запад и юго-запад. Положение рук вдоль туловища. В коллективных погребениях имеется особенность положения костяков: первый вариант – один из костяков лежит по обряду группы, а второй ориентирован на восток или северо-восток. Вторым вариантом – у костяков взрослых людей руки согнуты в локтях, кисти в районе плечевых суставов, при этом у ребенка в одном из погребений руки были вытянуты вдоль тела. Возрастные группы погребенных представлены взрослыми людьми, подростками и детьми. В могилах встречаются следы и символы огня. Посыпка охрой в большинстве случаев по дну, реже отмечена посыпка черепа и конечностей. В четырех случаях встречена посыпка мелом. В погребениях

¹ Южный научный центр Российской академии наук, 344006 Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; 8(863)250-98-18, e-mail: mmmmaxx8422@rambler.ru

² Южный федеральный университет, 344006 Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105; тел. 8 (863) 218-40-05, e-mail: yatsenko_vs@rambler.ru

Рис. 1. Группа № 1 погребений ямной культурно-исторической общности междуречья Дона, Маныча и Еи. 1, 2, 4 – керамика; 3, 6 – кость; 5 – кремнь; 7 – металл (2–4, 7 – по В.Я. Кияшко)

ниях прослежено наличие подстилок из органических материалов и перекрытие могил. Инвентарь скуден, но разнообразен. Две трети всех погребений сопровождалась инвентарем. Он представлен округлодонными и плоскодонными сосудами, украшенными веревочным орнаментом и сочетанием жемчужного орнамента и зубчатого штампа, образующего елочный орнамент, примесь в тесте: дресва; шамот; песок, шамот; песок, шамот, ракушка; органика, шамот(?), ракушка(?). Из других категорий инвентаря – створки раковин *Unio*, комки охры, бронзовые цилиндрические пронизки, кремневые отщепы, кремневые предметы: наконечник стрелы со средневогнутым основанием, большая ножевидная пластина, нож на высокой ножевидной пластине. В единичных случаях – каменный терочник или пест, прямоугольная глиняная лепешка, серебряное кольцо в полтора оборота, костяной цилиндрический бисер, костяной предмет, костяные пронизки из

птичьих костей, клыки хищника, кости птиц, кости барана.

Эти две группы являются наиболее древними в курганах. Возможно, погребения с восточной и северной ориентировкой более ранние, на это указывают стратиграфические наблюдения (при основном погребении группы № 1 встречено впускное погребение группы № 2), а также архаичный облик сосудов из погребений группы № 1. Но стратиграфия погребений показывает, что имеется случай и обратного положения. В пользу сосуществования групп свидетельствует также сходство в инвентаре, это в первую очередь украшения – бронзовые цилиндрические пронизки или обоймочки и костяной цилиндрический бисер, которые присутствуют в обеих группах.

Единственным наиболее полным исследованием раннего бронзового века Нижнего Дона на сегодняшний момент является диссертация В.Я. Кияшко [3, с. 104–114]. В ней автор выделяет V группу погребений [3, с. 104–114], которую можно сопоставить с погребениями группы № 1 данной работы, тем более что ряд комплексов, описанных в настоящей работе, присутствует и в выборке автора диссертации. Группу V, позже группу III [4, с. 76–77] погребений В.Я. Кияшко соотносит с константиновским поселением [4, с. 77, 80]. Но, поскольку в более поздней работе автор исключает ряд погребений из своей выборки, в том числе те, которые относятся к группе № 1 данной работы, то останавливаться отдельно на сопоставлении группы № 1 с материалами константиновской культуры и рассматривать подробно этот вопрос нецелесообразно. Стоит отметить лишь то, что некоторые черты погребального обряда и инвентаря группы № 1 имеют аналогии и в среднестоговской культуре, собственно, как и сама константиновская культура представляет собой синтез среднестоговской и майкопской культур на местной(?) “степной” основе [4, с. 64].

В другой работе В.Я. Кияшко, рассматривая вопрос о рогатых амулетах раннего бронзового века, отмечает, что погребения с “рогатками” имеют в составе сопровождаемого инвентаря керамику, которая своеобразна, имеет архаичные черты и не может быть безоговорочно причислена к ямной культуре [5, с. 79]. Однако он считает, что комплексы с рогатыми амулетами в целом предшествуют погребениям с молоточковидными булавами, указывает на факты находений гибридов этих двух видов амулетов в более поздних комплексах [5, с. 80] и, подводя итог, призывает к осторожности в подходе к определению культурной принадлежности “рогаток” или необходимости развития назревшей темы о западном импульсе в процессе сложения ямной культуры [5, с. 87]. Другой исследователь, А.Н. Гей,

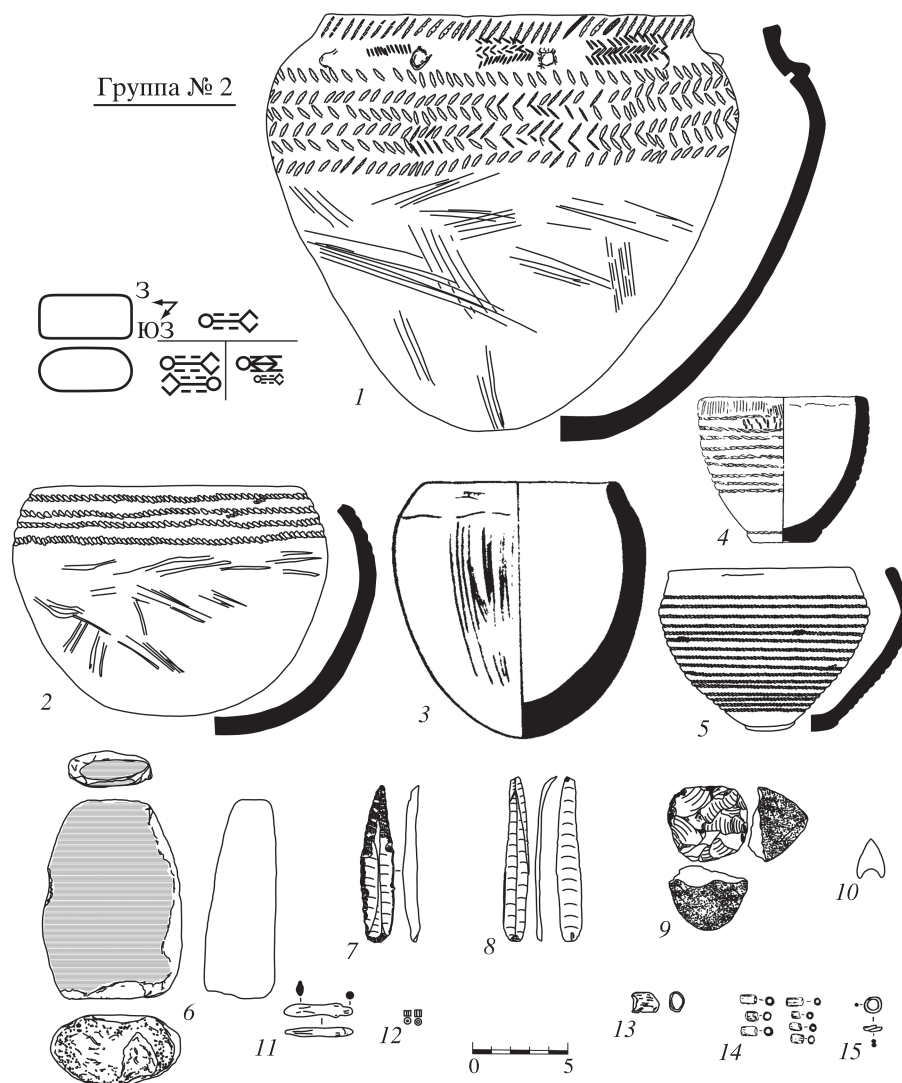

Рис. 2. Группа № 2 погребений ямной культурно-исторической общности междуречья Дона, Маныча и Еи. 1–5 – керамика; 6–10 – камень; 11–12 – кость; 13–15 – металл (3, 4, 15 – по И.С. Каменецкому, отчет за 1975 г.; 14 – по И.В. Белинскому, отчет за 1988 г.)

рассматривая булавки-рогатки, констатирует, что подавляющее большинство находок происходит из захоронений, совершенных по “ямному” обряду, указывает на то, что керамика из сопроводительного инвентаря отличается архаизмом форм и орнаментации, соответствует т.н. репинско-боковской традиции или ее элементам, что достаточно обычно для развитой поры ямной культуры [6, с. 130].

Погребения группы № 1 также имеют схожие черты с ранними ямными погребениями степного Прикубанья [7, с. 109–113]. Прежде всего, в обряде погребений – восточная ориентировка, погребенные находятся в скорченном положении на спине, разнообразие в посыпке охрой, сочетание посыпки охрой черепа и стоп погребенного, наличие близ черепа комков охры, единичные случаи присутствия мела в погребении. Отмечено также наличие в

инвентаре округлодонной керамики с плавным переходом от венчика в тулово и орнаментированной верхней части сосуда [7, с. 112, рис. 9 (20)].

Ямные погребения Северо-Западного Прикаспия [8, с. 61–84] имеют аналогичные элементы, характеризующие погребения группы № 1 – скорченное положение на спине с вытянутыми руками и восточной ориентировкой, наличие погребений с северной ориентировкой. В отдельных районах Кумо-Манычской впадины их дополняют такие особенности, как наличие могильных ям со скругленными углами и овальных в плане форм; в Кумо-Манычской впадине, в Южных и Средних Ергенях, в Приергенинской низменности – посыпка по дну охрой, реже – черепа и конечностей, наличие кусков охры в качестве инвентаря. Как особенность ямных погребений Прикаспийской низменности

Н.И. Шишлина отмечает частоту встречаемости сопроводительного инвентаря в комплексах [8, с. 84], данная черта наблюдается и для погребений группы № 1 данного исследования. В обзоре керамики она подчеркивает, что в комплексах Кумо-Манычской впадины сосуды, как правило, сопровождают детские погребения и располагаются у плечевых костей рук [8, с. 91], расположение керамики у правого предплечья также характерно для погребений группы № 1. Но следует обратить внимание, что инвентарь погребений Северо-Западного Прикаспия отличается от материалов ранних левобережных донских погребений с восточной ориентировкой. Здесь не встречаются сосуды, типичные для группы № 1, роговые булавки, бронзовые цилиндрические пронизки, костяной цилиндрический бисер, раковины *Unio*.

Схожесть погребального обряда исследуемых материалов и комплексов Прикубанья и Северо-Западного Прикаспия вряд ли свидетельствует о генетической или территориальной общности группы № 1 с погребениями обозначенных территорий, а скорее всего, говорит в целом о принадлежности рассматриваемой группы погребений к ямной культурно-исторической общности.

Как уже отмечалось, инвентарь погребений группы № 1 имеет аналогии в инвентаре погребений группы № 2. При этом керамика групп имеет существенные различия. Общность в обряде этих двух групп не вызывает сомнения, наиболее существенные различия – это ориентировка погребенных и наличие или отсутствие следов и символов огня.

Несмотря на то что в инвентаре погребений группы № 2 отсутствуют уникальные рогатые амулеты, схожесть погребений групп № 1 и № 2, а также наличие в инвентаре погребений группы № 2 вещей (металлические обоймы-пронизы), часто встречающихся совместно с “рогатками” [5, с. 79], дает возможность сопоставить рассматриваемую группу № 2 с погребениями данного круга. В пользу этого утверждения свидетельствуют случаи западной ориентировки погребенных с рогатыми амулетами (погр. 3, кург. 4, Батурицкий II; погр. 1, кург. 131, Новый [6, с. 128, 130]). С другой стороны, малочисленность костяных роговых амулетов и огромная территория их распространения, в совокупности с наличием в некоторых погребениях только металлических цилиндрических обойм-пронизей без костяных амулетов, свидетельствует, по-видимому, о существовании аналогичных рогатых амулетов из дерева.

Часть погребений Койсугского могильника, отнесенных к группе № 2, ранее в диссертации В.Я. Кияшко были определены как энеолитические погребения, включены в III группу. Основываясь

на топографии кургана № 7 Койсугского могильника, он ошибочно указывает, что хронологически группа III предшествует энеолитической группе IV (в “сидячей” позе) [2, с. 104]. Данные же относительно стратиграфии кургана № 7 (раскопки В.Е. Максименко в 1970 г.) свидетельствуют об обратной хронологии – погребение № 14 (в сидячей позе) было частично нарушено погребением № 11 (скорчено на спине с западной ориентировкой).

В целом же группа № 2 соответствует группе VII по классификации В.Я. Кияшко [3, с. 116–117], за исключением таких характеристик, как положение погребенных (наличие, помимо положения на спине, погребений на правом боку), присутствие в группе большого количества групповых погребений с детьми. В инвентаре также существуют различия. В группе № 2 отсутствуют молоточковидные булавки, керамика не имеет обратного жемчужного орнамента, представлена не только круглодонными сосудами, наиболее частый мотив орнамента – от тиски веревочки, примесь в тесте ракушки не доминирует, а встречается в сочетании с песком и шамотом, имеются и другие варианты примеси.

Уже отмечалось сходство обряда погребений группы № 1 с ямными погребениями Северо-Западного Прикаспия. Ряд обрядовых черт, встречающихся в материалах Кумо-манычской впадины, присущ погребениям группы № 2. Но кроме сходства групп № 1 и № 2 (скорченное положение на спине, руки вытянуты вдоль тела, посыпка охрой по дну и в сочетании череп – конечности, наличие кусков охры в качестве инвентаря), необходимо отметить различное положение погребенных в коллективных захоронениях, когда один из костяков ориентирован на запад, а другой – на восток [8, с. 67], а также наличие погребений с руками, согнутыми в локтях, кисти в районе плечевых суставов, и расчлененных костяков [8, с. 67]. Однако, в отличие от группы № 1, группа № 2 имеет сходство и в инвентаре с погребениями Северо-Западного Прикаспия, в частности, в качестве основной примеси для керамического теста использован песок и шамот, редко – раковины [8, с. 85], морфология сосудов также имеет аналогии: группа I – подгруппа I – тип 1, тип 3; подгруппа II – тип 1 [8, с. 85–87, рис. 35–37]. Более того, группа I – подгруппа I – тип 1 и тип 3, помимо сходства форм сосудов, они имеют близкую орнаментацию, для типа 1 характерно украшение параллельными рядами отпечатков веревочки или без орнамента, а для некоторых сосудов типа 3 на переходе от шейки в тулово встречен жемчужный орнамент [8, с. 85–87, рис. 35–37]. Из другого инвентаря можно отметить наличие височных колец в полтора оборота [8, с. 95], “боченковидных” бусин и пронизок из птичьих костей

[8, с. 96, рис. 45 (13, нижний)], каменных пестов и терочников [8, с. 106–107, рис. 52 (2)], кремневые отщепы, орудия, выполненные в пластинчатой технике, а также треугольные наконечники стрел [8, с. 107–108, рис. 53 (3, 4)] (хотя, конечно, следует оговориться, что донской экземпляр имеет более сильно вогнутое основание, чем наконечники в Прикаспийских материалах), глиняные лепешки [8, с. 10] (опять же форма и размер их отличается от донского экземпляра, но само использование такой редкой категории инвентаря в погребальном обряде позволяет привести эти данные для сравнения). Но в целом, несмотря на общие черты материальной культуры, сопоставление инвентаря левобережных донских погребений и ямных захоронений Прикаспия встречает трудности. В своей монографии Н.И. Шишлина [8] не касается вопроса внутренней хронологии ямной культуры, не приводит характеристику более ранних и более поздних погребений. Поэтому сравнение инвентаря лишено контекста: во-первых, некоторые категории некерамического инвентаря (например, височные кольца в полтора оборота) имеют широкие хронологические рамки бытования и встречаются в более поздних группах рассматриваемой территории. Во-вторых, неизвестна взаимовстречаемость находок в комплексах. Так, тот инвентарь, который имеет общие черты, может сопровождаться другими категориями инвентаря (молоточковидные булавки, бронзовые украшения различных форм, металлические орудия и оружие, керамические сосуды, заимствованные из культур “катакомбного круга”), которые не характерны для группы № 2. В связи с этим, с одной стороны, отмеченные сходные черты обряда и инвентаря позволяют говорить о близости ранних ямных памятников левобережья Нижнего Дона и памятников Прикаспия, но характер этой общности не ясен, тем более что они имеют одну принципиально важную отличительную черту – ориентировка погребенного. С другой стороны, общность обряда погребений групп № 1 и № 2 с обрядовыми чертами ямных памятников Северо-Западного Прикаспия еще раз подтверждает близость групп.

Верхней хронологической границей в относительной хронологии является время появления погребений следующего этапа развития ямной культурно-исторической общности, которые характеризуются основными и впускными в центр или южную часть кургана комплексами в подпрямоугольных со скругленными углами, иногда в ямах с уступами-заплечиками. Костяки расположены в скорченном положении – на спине с завалом на правый бок, головой ориентированные на запад. Положение рук: первый вариант – руки вдоль туловища, второй вариант – правая рука вытянута

вдоль, левая рука согнута в локте. В коллективных погребениях также наблюдается два варианта положения погребенных. В захоронениях с положением рук по первому варианту взрослые лежат на спине с завалом на правый бок. А в комплексах с положением рук по второму варианту взрослые погребенные лежат в “зеркальном отражении” друг напротив друга (т.е. один в традиционном положении для всей группы, а второй на спине с завалом на левый бок с положением рук, соответственно, левая рука вытянута вдоль, правая согнута в локте). Поза и ориентировка костяков детей и подростков во всех коллективных комплексах, в которых они присутствуют, разнообразна. Костяки принадлежат в основном взрослым. В могилах нередко встречаются мел, следы и символы огня. Посыпка охрой разнообразна, для погребений с вытянутым положением рук наиболее характерна посыпка охрой черепа, рук и ног погребенного, а для подгруппы комплексов с костяками, у которых правая рука вытянута вдоль, левая рука согнута в локте, характерна посыпка по дну, слабая посыпка охрой или вовсе отсутствие охры. В трех случаях встречена посыпка мелом. В погребениях часто присутствует подстилка из органических материалов, перекрытие могилы сооружалось из камыша и деревянных плашек. Инвентарь погребений разнообразен, присутствует в двух третях комплексов. Погребения сопровождалось округлодонными сосудами со слабо профилированным верхом, орнаментированным оттиском веревки и другими элементами. Один из характерных мотивов орнамента таких сосудов – оттиски веревочки, которые образуют треугольники, направленные вершинами вниз. Тесто этой керамики имеет примеси ракушки, органики и песка, встречается шамот. В погребениях встречаются и другие сосуды: это плоскодонный сосуд с сильно профилированным верхом, в тесте примесь органики и белых включений и жаровня – боковая часть сосуда – примесь в тесте белых включений, органики и песка. Из других категорий инвентаря достаточно часто встречаются комки охры и мела, единичные экземпляры и наборы молоточковидных булавок, серебряные височные подвески в один, полтора и два оборота, бронзовые шилья; редко – бронзовые листовидные ножи, бронзовые бляшки с пунсонным орнаментом, бронзовые обоймочки-пронизки, каменные песты, аморфные камни, кремневые отщепы, костяные “тупики” из лопаточной кости барана, кости животных (возможно, барана); в единичных случаях – бронзовые каплевидные подвески, флейты пана из трубчатых костей, “бумеранг”, астрагалы, кремневый скребок, раковина *Unio*.

В итоге из рассмотрения ранних памятников ямной культурно-исторической общности между-речья Дона, Маныча и Еи можно сделать вывод, что особенностями памятников данной территории является малочисленность погребений с восточной ориентировкой, преобладание западной ориентировки на первом этапе развития ямной культурно-исторической общности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукьяшко С.И. Донское левобережье и Восточное Приазовье в раннескифское время // Вестник Южного научного центра РАН. 2010. Т. 6. № 3. С. 103–110.
2. Масловский А.Н. Керамический комплекс поселения Мартышкина балка (Койсугское) (вторая половина XIII в.) // Вестник Южного научного центра РАН. 2009. Т. 5. № 3. С. 59–68.
3. Кияшко В.Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. 20 с.
4. Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тыс. до н. э.). Азов, 1994. 132 с. (Донские древности. Вып. 3).
5. Кияшко В.Я. Рогатые амулеты раннего бронзового века // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1989. С. 76–88.
6. Гей А.Н. Булавки-рогатки и антропоморфные шпатели “en forme de Tour Eiffel” // Проблемы археологии Евразии: к 80-летию Н.Я. Мерперта: сб. статей. М., 2002. С. 127–139.
7. Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья (по материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края). Л., 1991. С. 92–166.
8. Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетие до н. э.). М., 2007. 400 с. (Труды ГИМ. Вып. 165).

EARLY BURIALS OF THE YAMNAYA CULTURAL-HISTORICAL COMMUNITY IN THE INTERFLUVE OF THE DON, MANYCH AND YEYA

M.A. Belov, V.S. Yatsenko

The paper considers early burials of the Yamnaya cultural-historical community in the interfluvium of the Don, Manych and Yeya. Among the most ancient burial mounds, two groups have been singled out: group № 1 – burials with a body writhed on a back with eastern and northern orientation; and group № 2 – burials with a body writhed on a back with the western and southwestern orientation. The first stage of development of the Yamnaya cultural-historical community in the interfluvium of the Don, Manych and Yeya is characterized by a small number of burials with bodies oriented towards the east as the prevalence of western orientation has been registered.

Key words: archaeology, Lower Don, Yamnaya cultural-historical community, burial mounds.

REFERENCES

1. Lukiashko S.I. 2010. [The Don left bank and eastern coast of the Azov Sea Region in early Scythian times]. *Vestnik Yuzhnogo Nauchnogo Tsentra*. 6(3): 103–110. (In Russian).
2. Maslovsky A.N. 2009. The ceramic complex of the settlement Martyshkina Balka (Koisug) (The second half of the XIII century). *Vestnik Yuzhnogo Nauchnogo Tsentra*. 5(3): 59–68. (In Russian).
3. Kiyashko V.Ya. 1974. *Nizhnee Podon'e v epokhu eneolita i ranney bronzy. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk*. [Lower Don Region in the era of the Chalcolithic and Early Bronze Age. PhD Thesis Abstract]. Moscow: 20 p. (In Russian).
4. Kiyashko V.Ya. 1994. *Mezhdru kamnem i bronzoy (Nizhnee Podon'e v V–III tys. do n.e.)*. [Between the stone and bronze (Lower Don region in the V–III thousand BC)]. Azov: 132 p. (Donskie drevnosti. Issue 3). (In Russian).
5. Kiyashko V.Ya. 1989. [Horned charms Early Bronze Age]. In: *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya*. [News of the Rostov Regional Museum of Local History]. Issue 6. Rostov-on-Don, Book Publishers: 76–88. (In Russian).
6. Gey A.N. 2002. [Pin-slingshot and anthropomorphic spatulas “en forme de Tour Eiffel”]. In: *Problemy arkheologii Evrazii: k 80-letiyu N.Ya. Merperta*. [Problems of archeology of Eurasia: the 80th anniversary of N.Y. Merpert]. Moscow: 127–139. (In Russian).
7. Trifonov V.A. 1991. [Kuban Steppe in the Eneolithic – the Middle Bronze Age (periodization)]. In: *Drevnie kul'tury Prikuban'ya (po materialam arkheologicheskikh rabot v zonakh melioratsii Krasnodarskogo kraya)*. [Ancient cultures Kuban (based on archaeological work in the areas of reclamation of the Krasnodar Region)]. Leningrad: 92–166. (In Russian).
8. Shishlina N.I. 2007. *Severo-Zapadnyy Prikaspiy v epokhu bronzy (V–III tysyacheletie do n. e.)*. [North-West Caspian Sea region in the Bronze Age (V–III millennium BC. E.)]. Moscow: 400 p. (Trudy GIM. Issue 165). (In Russian).